

Глава 22. Позволь себе каплю эгоизма

Проходя к задним воротам, Лю Мухань нарочно скользнул взглядом по вывеске.

«Как пожелаешь» — гласили выведенные на ней иероглифы.

Сяо Дин вел их за собой, попутно делясь местными слухами. Он увлеченно рассказывал, что хозяин трактира — сам из людей цзянху, человек широкой души и редкой доброты. Болтал и о том, что в последние дни город заполонил люд из боевого мира, отчего во всех заведениях теперь не сыскать ни одного свободного угла.

— Вы уж, гости дорогие, поостерегитесь в потемках, — предупредил коридорный. — У нас тут сейчас такие господа остановились — важные птицы! Не приведи небо задеть кого. Если случится беда, даже наш лавочник вас защитить не сумеет.

Лю Мухань в ответ лишь согласно кивал и благодарил паренька, заверяя, что они будут тише воды, ниже травы и уж точно ни с кем не станут ввязываться в ссоры.

Вскоре Сяо Дин вывел их к дровяному сараю на заднем дворе и со скрипом отворил дверь.

Заглянув внутрь, Лю Мухань мысленно помянул хозяина добрым словом. Помещение лишь звалось дровяником. Аккуратная поленница занимала лишь один угол, в другом же стояла вполне приличная кровать, застеленная чистым, свежим одеялом. Судя по всему, здесь частенько приючали таких же бедных путников, у которых не водилось лишней монеты.

Устроив гостей, Сяо Дин напоследок еще раз строго-настрого наказал:

— Как стемнеет, со двора ни ногой. Сейчас в городе кого только нет: и праведные мастера, и лихие головорезы. Наткнетесь на дурного человека в темноте — беды не оберетесь.

— Понимаю, — мягко ответил Лю Мухань. — Спасибо тебе за заботу.

Когда коридорный ушел, Лю Мухань заглянул в стойло проведать Картофелину. Убедившись, что ослик устроился неплохо и вовсю жует сено, он с облегчением вздохнул, взял Сяо Ханя за руку и увел в сарай.

Перенесши скромные пожитки с тележки в угол комнатухи и наскоро прибравшись, Лю Мухань повернулся к мальчику:

— Сяо Хань, солнце уже садится. Давай по-быстрому сходим куда-нибудь поужинать и сразу вернемся, идет?

Малыш послушно кивнул:

— Хорошо, гэгэ.

Лю Мухань присел перед ним на корточки:

— Давай я понесу тебя на руках.

— Не надо, — упрямо мотнул головой мальчик. — Гэгэ и так очень устал. Я сам дойду, не маленький.

Лю Мухань невольно улыбнулся:

— Договорились. Но если ножки устанут, сразу скажи мне, ладно?

— Ладно, — согласился Сяо Хань.

На улицу они выбрались тем же путем — через тихие задние ворота, чтобы лишний раз не мешаться под ногами у постояльцев в главном зале.

Из-за слепоты Сяо Хань ступал робко и медленно, делая по два коротких шажка там, где взрослому хватило бы одного. Лю Муханю приходилось идти почти вполтину медленнее, то и дело присматривая, чтобы мальчик не споткнулся о дорожные неровности. Забот заметно прибавилось, но на душе у него почему-то было на редкость спокойно и тепло.

Уходить далеко от трактира в столь поздний час он не решался. Когда они только вошли в город, солнце еще стояло высоко. Лю Мухань планировал сначала устроиться на ночлег, а затем отвести Сяо Ханя на оживленную торговую улицу и побаловать его чем-нибудь вкусным. Кто же знал, что все постоялые дворы окажутся забиты под завязку? Из-за долгих поисков время было безвозвратно упущено, и теперь на город стремительно опускались сумерки.

Помня предостережения о том, что ночные улицы сейчас небезопасны, Лю Мухань решил не рисковать. Он тихонько предложил Сяо Ханю перекусить где-нибудь поблизости, пообещав, что уж завтра утром они непременно отыщут лавку со сладостями. Он уже мысленно подбирал слова, готовясь уговаривать мальчика и обещать ему горы лакомств в утешение, но тот согласился без тени капризов или сомнений.

— Что ты будешь есть, гэгэ, то и я, — тихо проговорил ребенок.

От этих слов сердце Лю Муханя защемило от нежности. Он ласково сжал крохотную ладошку в своей руке, стараясь согреть ее.

Трактир «Как пожелаешь» считался одним из самых известных заведений в городе, так что окрестные улочки всегда бурлили жизнью, и всевозможных закусовых здесь хватало. Зная, что Сяо Ханю в его положении будет неуютно среди шумной толпы, Лю Мухань намеренно обходил стороной забитые народом лавки. Наконец в самом тихом, неприметном переулке он приметил скромный лоток. К его радости, там варили горячие пельмени.

Усадив мальчика за щербатый деревянный стол, Лю Мухань подошел к котлу, над которым вился ароматный пар, и обратился к хозяину лотка:

— Уважаемый, нам две порции пельменей, пожалуйста.

— Сию минуту, молодой человек! Присаживайтесь, сейчас все будет готово, — радушно отозвался лавочник.

Порция стоила всего три медные монеты. Когда перед ними водрузили две исходящие паром миски, Лю Мухань сразу же отсчитал и протянул хозяину шесть медяков.

Пельмени только-только достали из кипятка, и под тонким тестом таился обжигающий бульон. Как бы Сяо Хань ни уверял, что справится сам, Лю Мухань не посмел доверить ему ложку. Он пододвинул миску поближе, аккуратно зачерпнул пельмень, тщательно остудил его дыханием и лишь тогда поднес к губам мальчика.

Сяо Хань оказался на редкость послушным и кротким ребенком — куда более покладистым, чем Лю Мухань мог предположить. Он беспрекословно доверял своему спасителю. Вот и теперь он просто послушно приоткрывал рот, не задавая лишних вопросов и даже не беспокоясь, остыло ли угощение. От такой безоговорочной веры Лю Мухань лишь сильнее запереживал. Он действовал с величайшей осторожностью: перед каждым кусочком тихо спрашивал, не горячо ли, и при малейшем сомнении дул на ложку снова и снова.

Съев штуки четыре, мальчик вдруг плотно сжал губы и качнул головой.

— Обожгло? — тут же встревожился Лю Мухань, подаваясь вперед.

Сяо Хань несмело потянулся навстречу и прижал ладошки к его щекам:

— Гэгэ, ты тоже ешь. Если ты не будешь, то и я больше не притронусь.

Лю Мухань опешил на мгновение, но тут же тепло улыбнулся:

— Хорошо, глупыш. Я тоже ем, смотри.

С этими словами он торопливо зачерпнул из своей миски пельмень и, даже не подумав подуть,

отправил его в рот. К счастью, бульон успел немного остыть, оказавшись приятно теплым, а не обжигающим. Быстро проглотив еще парочку, пока по телу не разлилось приятное сытое тепло, Лю Мухань отложил свою ложку и вернулся к кормлению Сяо Ханя.

Теперь, когда он приноровился к температуре бульона, дело пошло куда быстрее и ловчее.

Торговец не поскупился — порция за три медяка оказалась огромной. Сяо Хань одолел едва ли половину, как его маленький животик заметно округлился. Тем не менее, видя, что Лю Мухань подносит очередную ложку, он прилежно пытался разжевать и проглотить еду. К счастью, он вовремя заметил, как тяжело дается мальчику каждый кусок, и тут же опустил руку.

— Сяо Хань, если наелся, так и скажи. Не нужно давиться через силу, понял? — строго выговорил Лю Мухань, стараясь напустить на себя суровый вид.

Мальчик виновато опустил голову, однако во всем его облике сквозило робкое несогласие. Лю Мухань вздохнул. Он прекрасно понимал, что за этой безотказностью кроется глубокий страх оказаться брошенным или показаться неблагодарным. Чтобы успокоить ребенка, он поспешно добавил:

— Не переживай, я доем за тобой. Не пропадать же добру.

Сяо Хань вскинул голову и приоткрыл веки, доселе плотно сомкнутые. В дрожащем полумраке уличного фонаря его алые радужки вспыхнули таинственным, завораживающим блеском. Но для Лю Муханя эти необычные глаза были прекраснее любых других на свете.

Он осторожно протянул руку и ласково прикрыл глаза мальчика теплыми пальцами.

— У тебя чудесные глаза, Сяо Хань. Но мне бы не хотелось, чтобы их видел кто-то чужой. Давай это останется нашим маленьким секретом, хорошо? Будешь показывать их только мне.

Лю Мухань, пусть и жил уединенно, понимал: алый цвет глаз — редкое, пугающее знамение. Стоит суеверной толпе или лихим людям прознать об этом, и новой беды не миновать. Сам-то он стерпел бы любые насмешки и косые взгляды, но вот уберечь хрупкого ребенка от чужой злобы было бы куда сложнее.

Сяо Хань потянулся вперед, нащупал запястье Лю Муханя и крепко, но осторожно сжал его ладонь.

— Гэгэ?..

— Да, маленький?

— Ты ведь не бросишь меня? — Сяо Хань прижал ладонь Лю Муханя к собственному лбу, словно пытаясь впитать ее целительное тепло каждой клеточкой существа. — Я хочу всегда-всегда быть с тобой, гэгэ.

— Глупенький, ты ведь еще совсем ребенок... — Лю Мухань грустно улыбнулся.

Дети быстро растут. Рано или поздно они женятся, обзаводятся собственным домом, и даже родные братья со временем разъезжаются кто куда. А они ведь друг другу даже не кровная родня. Придет срок, Сяо Хань возмужает, найдет себе невесту, и их пути неизбежно разойдутся.

— Ты тоже считаешь меня обузой, правда? — Сяо Хань чуть приподнял лицо, но ладонь Лю Муханя по-прежнему скрывала его глаза.

Мгновение — и ладонь Лю Муханя обожгло соленой влагой. Он растерялся, испугался этой внезапной детской боли и попытался убрать руку, но мальчик вцепился в его запястье мертвой хваткой, не позволяя отстраниться.

— Нет-нет, что ты! — торопливо заговорил Лю Мухань, в панике путаясь в словах. — Сяо Хань, только не плачь, прошу тебя! Я никогда, слышишь, никогда не считал тебя обузой! Прости меня, глупого... Я соврал. На самом деле я тоже хочу быть с тобой. Всегда-всегда, до самого конца, и никогда не расставаться.

Лю Мухань не на шутку разволновался, дыхание его сбилось, а голос дрожал от искреннего раскаяния. Он с ранних лет усвоил горький урок: никто не задерживается в его жизни надолго. Так было с бабушкой, так вышло и с Бабушкой Гу. Бабушка ушел в мир иной, оставив его сиротой, а Станный старик, хоть и заботился о нем всем сердцем, имел собственную дорогу и не мог вечно нянчиться с чужим мальчишкой. С того самого дня, как Станный старик покинул его, Лю Мухань смирился с мыслью, что ему суждено коротать свой век в полном одиночестве.

Тратя целых шесть лянов серебра на Картофелину, он вовсе не пытался пустить пыль в глаза своим богатством. Ему просто до боли хотелось иметь рядом хоть какую-то живую душу. И пусть этой душой был обычный упрямый ослик — Лю Муханя это вполне устраивало. Порой одиночество сдавливало горло так сильно, что хотелось выть, а с осликом можно было делиться мыслями в долгих странствиях.

Появление Сяо Ханя стало чистой случайностью. Не купи он Картофелину, ноги никогда не привели бы его в ту глухую чащу посреди ночи. Он не услышал бы приглушенных стонов и не спас бы заживо погребенного ребенка из сырой могилы. О своем решении Лю Мухань не пожалел ни разу. Он рассуждал просто: раз уж суждено жить бобылем, то лишний рот его не утянет. Тем более что в его пространственном хранилище скопилось предостаточно припасов — прокормить двоих точно удастся.

Он никогда не тешил себя надеждой, что привяжет к себе мальчика навек. Думал лишь

вырастить его, помочь встать на ноги, женить на хорошей девушке и порадоваться его тихому семейному счастью со стороны. Но они встретились совсем недавно, и Лю Мухань просто не успел толком все обдумать. И теперь, услышав отчаянную мольбу ребенка, он не сдержался — все потаенные надежды, бережно скрываемые от самого себя, хлынули наружу. Ему ведь и самому до безумия хотелось, чтобы этот мальчик остался с ним. Чтобы они шли рука об руку по этой неласковой жизни, делили поровну горести и радости, без внезапных расставаний и невыносимого «прощай».

Но имел ли он право быть настолько эгоистичным?

Когда Странный старик засобирался в путь, Лю Мухань все понял без слов. Но он не проронил ни звука. Не умолял остаться, не плакал и не просился с ним, безмолвно отпустив единственного близкого человека.

Сяо Хань в своей детской непосредственности оказался куда смелее. Он не стал прятать чувства и высказал все, что терзало его маленькое сердце. И на душе у Лю Муханя от этой эгоистичной честности стало на удивление легко и сладостно.

— Гэгэ, пообещай, что не оставишь меня... — снова донесся из-под ладони приглушенный всхлип.

— Обещаю, — Лю Мухань нежно прижал плачущего мальчика к груди, бережно баюкая его. — Твой гэгэ никогда тебя не бросит. Слышишь? Мы всегда будем вместе.

<http://bllate.org/book/18166/1751480>